

УДК 7.071.5

Рябов Н.Ф. – старший преподаватель

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зеленая, д. 1

Реальные пространственные впечатления в становлении будущего архитектора

Аннотация

Понимание профессионального становления как непрерывного процесса всей творческой жизни архитектора делает весьма актуальным вопрос предпрофессиональной архитектурной подготовки. Задача детской архитектурной школы – создать в ходе обучения условия, обеспечивающие получение подростком реальных пространственных впечатлений и «живых», а не умозрительных эмоций. Это возможно, сочетая традиционные формы учебной работы с инновационными, используя креативные методы, основанные на принципах развивающего обучения. Череду акций по созданию объектов, включенных в городское пространство, участие в проектах культурных институтов города, организация игровых практик в детской архитектурной школе «ДАШКА» при КГАСУ позволяют говорить о возможности успешного развития способностей восприятия пространства на эмоционально-образном уровне в рамках предпрофессиональной архитектурной подготовки.

Ключевые слова: архитектор Мельников, городское пространство, детская архитектурная школа, игровая форма обучения, микроурбанизм.

Современная высшая архитектурная школа требует от абитуриента изначально широкого набора определенных качеств, умений и знаний. Эти требования определяются универсальной многомерностью профессии архитектора, которая в век узких специализаций, пожалуй, одна соединяет в себе пять основных задач человеческой деятельности: познавательную, ценностно-ориентационную, эстетическую, преобразовательскую, коммуникативную.

Одним из безусловных качеств, определяющим успешность решения этих задач, в формотворческой работе абитуриента (как и ученика архитектурной студии, студента начальных курсов) является ее эмоциональная насыщенность. Во многом субъективное, трудное для описания, но явно ощущаемое в процессе творческого поиска качество невозможно без определенного багажа непосредственных пространственных впечатлений, которые не заменят, ни энциклопедичность знания, ни прилежание. Некая стерильность индивидуального стиля, пусть и самых прилежных, учеников, не несущего в себе больше чем следование уже случившимся образцам, определяется отсутствием у них именно этого багажа, и что печальней – непониманием важности его формирования у их наставников.

То, что успешная реализация себя в профессии во многом определяется ранним опытом эмоционально насыщенного «присвоения» пространства, доказывает пример одного из значительнейших мастеров отечественной архитектуры – К.С. Мельникова. Соотнеся его воспоминания, о событиях 1897 года – времени, когда Мельникову было семь лет («строительство» водяной мельницы, снежной горы для катаний, детские эксперименты с материалами и пространством) с последующими новаторскими проектными формами, можно предположить – босоное детство, проведенное без наставнического присмотра на лоне природы, стало базой становления значительного мастера. В роли школы (не в ее привычном понимании школы – места, а школы – процесса становления), подготовившей Мельникова к успешной реализации в профессиональной деятельности, выступило эмоционально насыщенное пространство [1, с. 164].

Данный пример позволяет сформулировать одну из актуальных проблем, которую наряду с прочими должно решать на этапе предпрофессиональной подготовки будущего архитектора, – проблему дефицита «живых», образопорождающих эмоций и впечатлений у подростка. Реалии его жизни, встроенной в материальную среду современного города с

его множественными режимами ограничений, зависимостью от информационного поля, ведущей к подмене реального виртуальным, – исходный материал для создания ложных представлений о незначительности настоящего (временипровождения, местоположения). Весь этот комплекс представлений и предопределенных подчиняющими волю и воображение образами массовой культуры предпочтений находит выражение в искусно выполненных композициях городов будущего с «обязательными» к изображению скоплениями небоскребов (образы будущего) и вставками вырванных из контекста архитектурных памятников (образы прошлого). Подобные фантазии, представляемые на различных смотрах детских архитектурных школ, – свидетельства того как реальное пространство вытесняется виртуальными, а реальные наблюдения и впечатления замещаются сложной системой представлений, навыков и знаний, позволяющих работать с пространством как со своеобразным комбинаторным конструктором, способным к разнообразным структурным преобразованиям, но теряющим ради внешних эффектов масштабное соответствие человеку.

Одна из задач детской архитектурной школы, преследующей цель формирования навыков профессионального восприятия и осмысления архитектурного пространства, – создать в ходе учебных практик условия, обеспечивающие получение подростком реальных пространственных впечатлений и «живых», а не умозрительных эмоций. Это возможно, сочетая традиционные формы учебной работы с инновационными, используя креативные методы, основанные на принципах развивающего обучения (активизации функционирования познавательных структур, которыми учащийся уже владеет). Череду акций по созданию объектов, включенных в городское пространство, участие в творческих проектах различных культурных институтов города, организация оригинальных выставок и игровых практик в детской архитектурной школе «ДАШКА» при КГАСУ позволяют говорить о возможности успешного развития способностей восприятия пространства на эмоционально-образном уровне в рамках предпрофессиональной подготовки будущего архитектора. Данная работа, содержащая описание школьных мероприятий, направленных на решение заявленных задач, ставит целью определение их методической значимости, выявление «границ» смыслового поля возможных тем творческих учебных заданий, а также образовательного потенциала задействованных в ходе образовательных практик городских пространств.

Многообразие форм и последствий взаимодействия городского пространства с его исследователями и созидателями – предмет рассмотрения многих педагогов-архитекторов. Так В.И. Иовлев, характеризуя пространство как важнейшую категорию профессионального мышления, раскрывает эффективность экопсихологического подхода к формированию как архитектурной среды, так и самого архитектора. По его мнению, этот подход должен заполнить образовавшиеся пробелы в ряду традиционных способов обучения архитектурному проектированию как общих (комплексных, проблемных, экспериментальных), так и частных (клаузурных, макетных, ассоциативных). Рабочим методом экопсихологического подхода служат средовое моделирование в разных модификациях (образное, пространственно-временное, сценарное), метод средовых игр [2, с. 200]. И.В. Кузнецова, И.В. Кузнецов, говоря о новом культурном ландшафте, формируемом приемами средового проектирования, акцентируют внимание на важности фактора времени, поскольку любая ситуация есть процесс, развивающийся во времени. При таком подходе структурной единицей проектирования становится не материальная, выделенная в пространстве вещь, а поведенческая ситуация, в которой задействованы и вещи, и люди с их настроениями и эмоциями [3, с. 90]. С ними согласна Т.А. Черемхина, рассматривающая вопросы композиционной и образной целостности среды современного города. По ее утверждению именно средовой подход дополняет системное изучение пространственных форм архитектуры и выводит на новый уровень способы их анализа и проектирования. Пространство как среда в каждом отдельном случае играет роль конкретного материального окружения, в котором человек должен свободно ориентироваться, получая эстетическое удовлетворение и позитивные впечатления [4, с. 182].

Привлечение к рассмотрению вопроса возможности эмоционального и образного насыщения городской среды широкого круга специалистов (философов, социологов,

культурологов, антропологов) позволяет взглянуть на город как на, прежде всего, место многообразных чувственных опытов. Переключение регистров восприятия городского пространства в ходе реализации разнообразных форм самовыражения его обитателей (новый городской туризм, культура городских разведчиков, забота о бездомных животных и ненормативных пространствах, игровые практики с элементами ориентирования на местности) переводит город из отчужденного в близкий, меняя временную протяженность и эмоциональную окраску его существования [5, с. 37]. Особое значение при подобном подходе, получившем название «микроурбанизм», придается пространствам, находящимся на периферии повседневных практик (развалинам некогда жилых домов, заброшенным промышленным объектам, одичавшим скверам и пустырям).

Необычный ландшафт заброшенных и пустынных областей представляет большие возможности для игр, а сами игры служат способом сборки пространства [5, с. 48]. Социолог Р. Абрамов, утверждая, что игровая – одна из действенных форм закрепления тех или иных навыков освоения особых мест, в частности, руинированных пространств, особо замечает: «Социальными психологами, антропологами и детскими писателями хорошо исследована и описана тяга детей к присвоению субъективно значимых, эмоционально окрашенных островков в пространстве мира» [5, с. 254].

Отличительная особенность рассматриваемых в работе акций школы «ДАШКА» – вовлечение в учебный процесс пространств, отвечающих подобной характеристике. В каждой из них (строительство снежного лабиринта, игра-путешествие по улицам города, работа по созданию реальных средовых объектов, знакомство с заброшенным объектом в рамках выставочного проекта) натурные впечатления смогли стать основой формирования специфических художественных образов (времени, места, человека). Во всех случаях творческий поиск был коллективным, а, значит, можно говорить о некоем коллективном участнике, частью которого являлись педагоги-координаторы, отслеживающие и стимулирующие движение (как в композиционной работе, так и в реально осваиваемых пространствах) учеников. Подобная организация работы возможна при использовании креативных методов обучения. Психологические механизмы их воздействия на обучаемого, занятого в ходе коллективной работы поиском собственного творческого метода (это касается как учеников, так и педагогов-координаторов), нашли отражение в ряде публикаций преподавателей школы [1, 6].

Расширение границ представлений о работе времени в городском пространстве и способности недолговечных арт-объектов формировать переменчивый образно-эмоциональный ландшафт города стало возможным благодаря обращению к фигуре поэта-экспериментатора В. Хлебникова с 1898 по 1908 год, жившего в Казани. Факты биографии, поэтические образы (обращение архитектора к отличным видам образности как изменение алгоритма поиска и принятия решений), дома, люди, чьи истории были связаны с жизнью поэта в Казани, – все это легло в основу проведения акции «Поцелуй на морозе» (зима 2011 года), получившей название по стихотворной строке поэта, и познавательной игры с элементами ориентирования на местности «Лабиринтами Велимира» (лето 2011 года).

Непосредственному выходу участников на территорию (в случае зимней акции – это пустырь улицы Калинина, расположенный неподалеку от места ныне несуществующего дома, где поэт жил гимназистом; игра, случившаяся летом, – попытка повторения маршрута движения Хлебникова из дома в гимназию по улицам Академической и Суконной слобод) предшествовал поиск педагогов-координаторов специфического образа, способного выразить, архитектурными средствами, силу поэтических метафор, и обладающего желаемым эмоциональным потенциалом.

Сложная ритмика стихотворных построений поэта-футуриста, его оригинальная образность («вообразите прекрасный лоб мыслителя, узнающего свое лицо на пятке пробегающего мальчишки» [7, с. 118]) в соединении с сеткой улиц Академической слободы Казани рубежа XIX и XX веков смогли «проявиться» в одном из древнейших архитектурных образов – лабиринте. В его геометрии образно-содержательная насыщенность соседствует с математической логикой, а материалом строительства выступают не столько камни и прочие материалы, сколько воображение [6, с. 30].

Составление композиции лабиринта в соответствии с когда-то существовавшим аналогом (сеткой улиц Академической слободы), его разметка на территории и строительство из столь недолговечного материала как снег (плановмерно в гигантском сугробе пустыря в течении двух недель прокладывались дорожки) – одновременно работа и эмоциональная пространственная игра – напоминают о продуктивных детских практиках К. Мельникова, во многом предопределивших будущие профессиональные достижения архитектора. Сам Мельников уже в зрелом возрасте вспоминал: «Ни одна зима не проходила, чтобы я не построил гору. И как строил! Всю из снега лепил ее, как скульптуру, как архитектурное сооружение со строго отвесными стенами, тщательно выхаживал прямые углы и скат сложной вогнутой кривой. Строилась гора со вкусом, аппетитом, без обеда и передышки» [8, с. 61]. Схожие набор впечатлений, практический опыт, полученные участниками акции, позволяют говорить о самом городском пространстве (в нашем случае – той его части, которая максимально открыта к изменениям и преобразованию) как прообразе архитектурной школы процесса осознания пространства концептуального (выражаемого через особые приемы, знаки, идеи, образы) и реального (осваиваемого, физически преобразуемого) одновременно.

Креативная направленность методов работы (максимальная смысловая насыщенность без диктата следованию, заранее представляемому, результату) позволила увеличить продуктивность ходов ведения акции, вовлечь в нее новых участников и объектов. На стенах сугроба-лабиринта «выросли» бесплотные фотографические фасады домов улиц Академической слободы. Идея напечатать изображения «уходящей натуры» – многих из этих домов давно уже нет – на светопроницаемом пластике возникла в ходе работы. Точнее – была подсказана самим поэтом (видения домов, чьи стены подобны стеклянным страницам небо-книг, описаны в его провидческих стихах и прозе). Обрамленные яркими рамками фотографии старых домов стали своеобразными визирами, сквозь которые видна работа времени в белом пространстве города-лабиринта.

Рядом с лабиринтом появился павильон (коллективная работа учащихся старших групп школы и их наставника, студента архитектурного факультета Москалева А.Н.) – пятигранный купол, собранный из пластиковых труб. Его вневременной образ замка-мечты, получил развитие, когда меж белых ребер купола «воспарили» подвешенные на тонких капроновых нитях миниатюрные лабиринты из бисера, пуговиц и прочего «мусора», ценимого детьми и поэтами. Так еще один хлебниковский образ-озарение («В праздники устраивалась «живопись пальбой», «Снарядами разноцветного дыма стреляли в разные точки неба» [7, с. 110]) нашел креативное выражение, силами младших школьников, чье участие в акции изначально не предусматривалось. Еще вчера не замечаемый учениками пустырь – теперь многообразный лабиринт – обрел (пусть и на короткое время) себя как смысловое поле и событийное пространство, максимально насыщенное впечатлениями и эмоциями [6, с. 32].

Свое дальнейшее воплощение образ города-лабиринта нашел в ходе проведения летней пленэрной практики. Преподавателями школы Галиакберовой Д.Р. и Рябовым Н.Ф. была разработана игра «Лабиринтами Велимира», которую можно характеризовать как полевую игру в жанре «квест» с элементами ориентирования на местности. Суть подобной игры заключается в выполнении заданий по поиску «ключей», спрятанных в разных местах.

Подобная организация учебного мероприятия как и в случае строительства снежного лабиринта потребовала от его разработчиков и организаторов максимального погружения в материал (сбор исторической информации, выстраивание маршрута, поиск образно-смысловых акцентов, способных придать игре должные глубину и насыщенность). Направляя и акцентируя внимание участников игры на тех или иных объектах, событиях, связанных с местом ее проведения, организаторам удалось достичь желаемого эффекта эмоционального участия подростков, понимания ими многообразной разнородности городских пространств, одновременности существования «полупрошлого» и «полунастоящего» – сложных нелинейных конструкторов времени и пространства, в которых протекает жизнь горожан [5, с. 16].

Восприятие в движении, как действенный способ прочтения городского «текста», стало чередой открытий ранее неизвестного. За многими из доселе не замечаемыми,

безликими формами (деревянный забор, ворота во двор, почтовый ящик с надписью «для писем», следующей еще дореволюционным правилам орфографии, покосившийся дом, старое дерево) были заложены «артефакты», определяемые по составленному организаторами путеводителю и по значкам на плане места, вызывающие из безликого небытия тех обитателей этих мест, о которых гимназист Хлебников не мог не знать (когда-то, но здесь же – Аксакова, Горького, Шалапина, Мюфке).

Маршрут движения участников игры по обозначенной текстом и планом территории варьировался разными командами (разделение участников на команды внесло соревновательный дух, усиливало как заинтересованность в происходящем, так и эмоциональный фон) в зависимости от умения договориться между собой, объясниться с встреченными старожилками, первичного знания места (многие из участников неоднократно следовали маршруту или пересекали его по пути своего следования в архитектурную школу). Сопровождавшие каждую из команд координаторы выступали в роли активных, но рядовых участников игры.

Эффективность игровой формы обеспечивала изначально позитивный настрой участников на получение целой гаммы опытов и впечатлений за достаточно короткое время, а материалы, полученные в ходе подобного «встраивания» в среду (зарисовки, фотографии, найденные объекты), при использовании их на последующих классных занятиях дали возможность осознанного освоения профессиональных приемов, навыков и понятий.

Уже осознанные как эффективные формы (прогулка-игра, коллективное созидательное действие) и методы (креативный, сценарный) обретения необходимых для работы воображения впечатлений определили ход следующей школьной акции «Архитектура для птиц» (весна 2013 года) – строительства и установки скворечников в городском парке.

Главной проблемой подготовительного этапа работы для координаторов проекта (Галиакберова Д.Р., Москалев А.Н., Новиков С.В.) стала не столько подготовка учебного класса к специфическим действиям столярной мастерской, сколько поиск истока архитектурной образности, способного обеспечить выход за рамки устоявшихся представлений об объекте. Каноническая форма скворечника, определенная многими факторами, требовала особого образно-смыслового насыщения (способность заменить стереотипы другими идеями является сущностью архитектурного творчества [9, с. 57]).

Рассмотрение предельно простой в своих геометрии, материальном воплощении и функционировании формы скворечника в контексте связи «человек – природная среда» позволило осознать ее как предмет композиционного моделирования – своеобразного архитектурного сочинения на заданную тему («Дом птицы»). Изначальный птичий дом – гнездо – объект, скрытый от взгляда наблюдателя листвой. Скворечник – гнездо, пойманное взглядом, воплощенное в геометрической форме любопытство ловца, – выражение работы наблюдения, раскрывающего логику естественного, и воображения (логики сверхъестественного). Философ Г. Башляр, пытаясь раскрыть истинную психологию дома (его душу), говорит о нем как о «некой вертикальной сущности»: «Дом возвышается. Дом пробуждает в нас сознание вертикальности» [10, с. 37]. Эта сущностная характеристика скворечника отправляет нас к более давнему прообразу – дереву (дерево служит приютищем для птичьего гнезда, для птицы оно – уже укрытие), определяя само место привязки птичьего дома (парк как собрание деревьев).

Знакомство с местом (в нашем случае это казанский парк имени М. Горького) максимального выражения логики естественного в жизни деревьев (постоянной игры света и тени как выражения самой борьбы за свет, предопределяющей характер роста) дало возможность нахождения и культурного прообраза – предваряющего архитектурный фасад скульптурного барельефа.

Возможные приемы решения фасадов предельно простого по форме и достаточно наполненного смыслами дома-гнезда (переход от одного образа к другому – от гнезда к дому и наоборот – возможен только под знаком простоты [10, с. 95]) преподаватели-координаторы смогли найти в супрематических композициях К. Малевича и барельефах В. Татлина. Исследователь творчества последнего В. Ракитин замечает: «В рельефах Татлина содержалась новая художественная методология: эстетика реальных материалов в реальном пространстве» [11, с. 31].

Художественная жизнь реального – именно этот концепт и определил характер последующих этапов акции с участием школьников. Композиционный поиск выразительного рельефа фасадов (сочетание выступающих из плоскости первоформ кругов и квадратов приемами сдвижек, повторов, наложений), знакомство с новыми для учеников материалами и инструментами (лобзиком, ножовкой, молотком, шуруповертом), постоянная корректировка формы «под знаком простоты», подчинение индивидуального коллективным решениям, установка каждого из «гнезд» на месте, совмещенная с прогулкой и фотосессией – все это было окрашено живыми эмоциями и впечатлениями.

Организаторы акции в очередной раз убедились в важности позитивного воздействия на ход работы эмоциональной составляющей коллективного творческого процесса, образно-смыслового насыщения тем заданий, а главное – в необходимости расширения режимов учебных действий (сочетания аудиторной работы с практиками «присвоения» городского пространства).

Последняя из рассматриваемых в данной работе школьных акций – участие в исследовательско-выставочном проекте казанского центра современной культуры «Смена» (весна 2014 года) – пример успешного решения архитектурной школой своих задач в координации с другими культурными институтами как формального, так и неформального толка.

Деятельность инициатора и координатора проекта, центра «Смена» – выражение осознания необходимости формирования у жителей современных российских городов «живого» отношения к городским процессам, привлечения к их осмыслению рядовых горожан (в том числе учащихся творческих школ). Само размещение центра (улица Бурхана Шахиди, 7), организованного по инициативе казанских художников, в здании, построенном в конце XIX века (изначально здесь располагались конюшня и сенохранилище, в советские времена – склады МВД), – демонстрация позитивного осмысления и освоения заброшенных или часто не замечаемых пространств. Заданные «Фабрикой» Уорхола и другими художниками второй половины XX века предметно-пространственные параметры творческой лаборатории в границах стен старого, утратившего прежнее назначение, и тем самым обретшего свободу нового истолкования, здания в случае казанского центра успешно провоцируют рождение креативных идей и поведенческих ситуаций.

Участие учеников школы в организованном центром исследовательском проекте «Лен и тлен. Психологическая карта Алафузовских мануфактур» с выходом на территорию промышленного комплекса XIX века (казанский архитектор И.В.Козлова характеризует его в нынешнем состоянии как «предмет депрессивной экономики» [12, с. 32]) дало возможность составить каждому свое личное эмоционально окрашенное представление о работе времени в городском пространстве, а их преподавателям (Галиакберова Д.Р., Москалев А.Н., Рябов Н.Ф.) расширить границы методического поиска новых учебных форм и приемов.

Интересны высказывания подростков, многие из которых в силу жесткого нормирования своих повседневных маршрутов впервые оказались в подобном пространстве (комплекс включает в себя разнородные по размерности, степени сохранности и культурной значимости строения). Губаев Б.: «Мы увидели полуразрушенный завод впечатляющих размеров с множеством дыр и оконных проемов. Архитектура удивила своей несокрушимостью». Султанова К.: «Я забыла о том, что нахожусь в Казани».

Средовое пространство, хранящее многочисленные свидетельства прошлой жизни (оставленные станки, стенды рукотворных графиков и таблиц, масштабные инсталляции гор мусора, ящиков, бочек), в силу своей покинутости открытое для самых необычных трактовок, сразу было воспринято как пространство игры. Визуальное и физическое освоение пространства (с заходом внутрь одного из корпусов, переходом с этажа на этаж и выходом на крышу здания) стало вполне осознанным определением ее правил. Оказавшись в непривычных условиях, подростки в ходе игры-освоения (выражения себя – части коллектива в пространстве – через здесь и сейчас формируемый поведенческий регламент) достаточно четко и быстро характеризовали границы пространства, его ориентиры, определяли опасные зоны и возможные пути движения. В ходе подобного исследования реальное пространство становилось по-настоящему умопостигаемым, психологическим.

Как и в описанных выше случаях, достичь схожего «присвоения» пространства в ходе формальной аудиторной работы практически невозможно. Предлагаемые к вниманию и изучению в классе многочисленные графические изображения, модели, схемы пространственных форм, скорее всего, не смогут запустить работу «механизма» воображения учеников на полную мощь, а, значит, не обеспечат и образно-чувственной насыщенности их творческого становления.

Представленные на выставке среди работ (большой частью – фотографий и текстов) прочих участников проекта объемные, плоскостные композиции учеников и преподавателей школы «ДАШКА» отличал именно творческий подход к решению темы, заявленной в названии. Характер, выполненных в рамках занятий школьных дисциплин «Рисунок», «Музыкальная эстетика», «Композиция», графических реконструкций движения по маршруту, абстрактных миниатюр, несущих ассоциативные образы звукового пейзажа комплекса, коллажных склеек с использованием натуральных фотографий, зарисовок, фактурной бумаги, фигуративных авторских композиций, направленных на выражение образно-символической характеристики изученного пространства (хранилища времени, где оно предстает в зримых образах лестницы, колеса, лабиринта, водопада) определялся концептуальной направленностью аудиторной работы не на воспроизведение, а на опирающееся на впечатление преобразование.

Участие подростков в открытии выставки стало еще одной возможностью пополнения «копилки» впечатлений и представлений о пространстве-времени, осознания общественной значимости творческой работы («прямая речь» подростка о покинутом пространстве звучит в пространстве, обретшем себя здесь и сейчас в силу своей изначальной самоценности и интереса пришедших в него новых горожан).

Очевидно, подобные практики способствуют формированию осознанного, а значит и способного к выражению в последующих, самостоятельных опытах, позитивного понимания работы времени в пространстве, выражающей себя через событие. Так реализуется сверхзадача деятельности детской архитектурной школы – формирование у будущего архитектора еще на довузовской стадии особого мировоззрения и этики творца, обладающего как общекультурным знанием, так и навыками выражения этого знания в ходе различных художественных акций. Культурную значимость подобных учебных практик (прогулка-игра, натурное исследование, участие в выставочном проекте, создание средовых объектов) подтверждают высокие оценки их результатов со стороны профессионального сообщества. Все рассматриваемые акции были отмечены дипломами смотров-конкурсов детского творчества, проходивших в рамках международного фестиваля «Зодчество» (Москва).

Следование принципу «здесь и сейчас», подразумевающему решение творческих задач в реальных пространствах, способному задать неформальный эмоциональный настрой на выполнение учебных задач, решение которых невозможно без формирования ярких композиционных образов, необходимо и в высшей архитектурной школе. Опора на довузовский опыт, на креативные методы в преподавании композиционных и проектных дисциплин стимулирует методический поиск педагогов-предметников, поможет выстраиванию межпредметных связей, усилит ценностно-смысловой компонент обучения, а, главное, создаст условия погружения в ходе решения учебных задач в круг проблем реальных городских пространств. Это позволит сформировать у студента-архитектора потребность самостоятельного развития себя как творческой единицы и части общества, в котором ему предстоит быть востребованным и конкурентно способным.

Список библиографических ссылок

1. Рябов Н.Ф. На чистом зеленом лугу // Сб. научно-методических трудов, № 3 «Архитектурно-художественная композиция». – Екатеринбург: Архитектон, 2009. – С. 162-165.
2. Иовлев В.И. «Экопространство» как объект изучения в архитектурной школе // Материалы научной конференции «Развитие региональных архитектурно-художественных школ в контексте историко-культурных традиций», Том 1. –

- Казань: КГАСУ, 2005. – С. 199-200.
3. Кузнецов И.В., Кузнецова И.В. Концепция средового подхода в проектировании пространства современного дома // Сб. научно-методических трудов, № 4 «Архитектурно-художественная композиция». – Екатеринбург: Архитектон, 2012. – С. 88-91.
 4. Черемхина Т.А. Формирование пространственных представлений как непрерывный процесс в подготовке архитектора // Сб. научно-методических трудов, № 3 «Архитектурно-художественная композиция». – Екатеринбург: Архитектон, 2009. – С. 179-185.
 5. Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с.
 6. Рябов Н.Ф., Галиакберова Д.Р. Дети в лабиринте // Вестник архитектуры и урбанистики, 2011, № 1. – С. 30-32.
 7. Хлебников Велимир. Проза. – М.: Современник, 1990. – 128 с.
 8. Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика. – М.: Искусство, 1985. – 311 с.
 9. Григорьева-Будякова М.А. Роль архитектурной фантазии в творческом проектом процессе // Сб. научно-методических трудов, № 4, «Архитектурно-художественная композиция». – Екатеринбург: Архитектон, 2012. – С. 55-58.
 10. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 376 с.
 11. Великая утопия. Русский и советский авангард 1915-1932 // Каталог выставки. – Берн: Бентелли. – М.: Галарт, 1993. – 832 с.
 12. Козлова И.В. Льно-прядельная мануфактура Алафузовых. Современное состояние промышленного комплекса XIX века // Известия КГАСУ, 2013, № 2 (24). – С. 32-39.

Ryabov N.F. – senior lecture

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Real spatial impressions in formation of future architect

Resume

Successful professional realization of the architect in many respects is defined by early experience of its work in real space. It is proved by history of life and works of the great Russian architect K.S. Melnikov. As elementary school of the architect Melnikov the emotionally rich space of its childish sports acted.

Numerous educational practitioners of children's architectural school «DAShKA» at KGASU in real city space represent unconditional methodical interest for teachers-architects and organizers city the art expert. Forms of carrying out unusual school lessons (construction of a snow labyrinth, creation and installation of lodges for birds in city park, game travel on old streets of Kazan, acquaintance to the thrown industrial facility during participation in the exhibition project) define the principles of the developing training and creative concepts (art life real) masters of the Russian vanguard (V. Khlebnikov, V. Tatlin). The maximum figurative saturation of occupations by that, creative methods of work of teachers-coordinators, collective nature of actions of teenagers provide due emotional saturation of the course of school actions (educational and creative at the same time). Impressions and knowledge gained in a game form (game – the effective way «assemblies» of space) stimulate work of imagination of pupils in the subsequent classroom work. Real impressions define a conceptual orientation of composite (fantasy) disciplines on possible transformation of space. They are the cornerstone of the positive relation to a living arrangement of the modern Russian cities of supporters of the movement «microurbanism» (new city tourism, culture of city scouts, care of homeless animals and standard spaces, game practitioners with elements of explaining the ground).

Keywords: architect Melnikov, city space, children's architectural school, game form of education, microurbanism.

Reference list

1. Ryabov N.F. On a pure green meadow // Sb. scientific and methodical works № 3 «Architectural and art composition». – Ekaterinburg: Arkhitekton, 2009. – P. 162-165.
2. Iovlev V. I. «Ecospace» as object of studying at architectural school // Materials of scientific conference «Development of regional architectural and art schools in a context of historical and cultural traditions», Vol. 1. – Kazan: KSUAE, 2005. – P. 199-200.
3. Kuznetsov I.V., Kuznetsova I.V. The concept of environmental approach in design of space of the modern house // Coll. scientific and methodical works, № 4, «Architectural and art composition». – Ekaterinburg: Arkhitekton, 2012. – P. 88-91.
4. Cheremkhina T.A. Formation of spatial representations as continuous process in training of the architect // Coll. scientific and methodical works, № 3, «Architectural and art composition». – Ekaterinburg: Arkhitekton, 2009. – P. 179-185.
5. Microurbanism. The city in details / Sb. articles. – M.: New literary review, 2014. – 352 p.
6. Ryabov N.F., Galiakberova D.R. Children in a labyrinth // The Messenger of architecture and urbanistics, 2011, № 1. – P. 30-32.
7. Hlebnikov Velimir. Prose. – M.: Contemporary, 1990. – 128 p.
8. Konstantin Stepanovich Melnikov: Architecture of my life. Creative concept. Creative practice. – M.: Art, 1985. – 311 p.
9. Grigorieva-Budyakova M.A. Role of the architectural imagination in creative design process // Sb. scientific and methodical works, № 4, «Architectural and art composition». – Ekaterinburg: Arkhitekton, 2012. – P. 55-58.
10. Bashlyar G. Favourites: Poetics of space / Lane with fr. – M.: ROSSPEN, 2004. – 376 p.
11. Great utopia. Russian and Soviet avant-garde 1915-1932 // Exhibition catalog. – Bern: Bentelli. – M.: Galart, 1993. – 832 p.
12. Kozlova I.V. Flax spinning Alafuzov' manufactory. Current state of an industrial complex of the XIX century // News of KSUAE, 2013, № 2 (24). – P. 32-39.